

АРТУРУ

Я очень тебя люблю
и всегда буду любить, Медвежонок

Пролог

МОНСТР

Я родилась деревом. В то время все было проще. Все, что мне требовалось, — это земля да ветер с дождем. И солнечный свет, согревающий мои пестрые листья.

Я не знала ни страха, ни желания. Меня заботили только рост и небо. Не знала жажды, жажды, жажды.

Только сияние звезд.

Но моя мать хотела дочерей и выбрала березовую рощу.

Я помню день своего рождения: как древесная кора превратилась в сухожилия, листья — в волосы. Я почувствовала почву под ногами, впервые открыла глаза и увидела нечто новое: темно-зеленый лес, широкое голубое небо и серо-белые очертания семерых сестер.

А также маму, которая и не дерево, и не женщина; слов, которые могли бы ее описать, попросту не существует. Она — могущество, красота и обя-

зательство. Она делает что пожелает, и горе всем, кто встанет у нее на пути. Я поняла это с первой секунды своей жизни и поклонилась ей, мои зелено-желтые волосы заструились по плечам блестящим ручьем.

Чего я не понимала, так это того, что я родилась, чтобы быть солдатом. Чего я не понимала, так это того, что меня лишили свободы.

Поначалу я любила маму. Она открыла мне глаза и распустила язык. Рассказала названия всего, что есть в лесу, научила петь. А музыка, музыка, музыка! Она нарастала внутри меня и срывалась с губ, и была такой чудесной, такой красивой, что я считала ее хорошей, ведь как иначе? Так что я пела, росла и неосознанно позволяла маме вылепить из меня своего ручного монстра.

Когда я достаточно подросла, чтобы заманить человека своей песней, запереть его в сердце леса и сломать, как отмершую ветку, то сделала это без вопросов, без раздумий.

А после второго, десятого, двадцатого раза, когда я заманила сотню людей на верную смерть в мамином лесу, я забыла, что когда-то была деревом.

Я забыла, что была кем-то еще, кроме как младшим монстром своей матери.

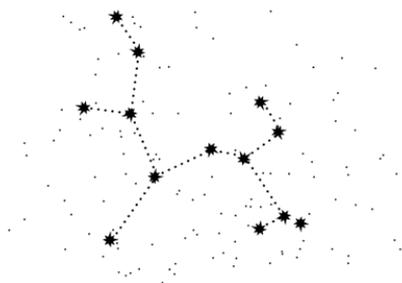

Часть первая

ЛИСТЬЯ

*Никогда не заходи в лесную глубь, там
подстерегает много опасностей, темных
и светлых, и они захватят твою душу.*

«Серафина и черный плащ». Роберт Битти

Глава первая

ӨҮЭН

В Гвиденском лесу сегодня тихо. В воздух не вплетается высокая, жуткая мелодия, которая захватывает мой разум и тело, искушает подойти ближе к деревьям, хотя я прекрасно знаю, чем это чревато. Я менее восприимчив к музыке, чем большинство. И все же в тишине как-то легче.

Лес пахнет так же, как и всегда: суглинком, землей и немного кислым запахом гнили. Над достающей до груди ограждающей стеной, которую мой отец возвел слишком поздно, висят ветки. Салатовые, только распутившиеся листья скребутся о камень. Но меня их красота не проведет — я знаю, что сокрыто за ними.

Что они забрали у нас.

Авела, подобно щенку, катается в траве у стены. Она не понимает опасность, притаившуюся совсем близко. Да и как? Ей всего два года. Она не помнит нашу маму. Не слышит темными ночами душераздирающий плач отца, когда он думает,

что я сплю. Он бы разозлился, если бы узнал, что мы гуляем на улице, но Авела — маленькая дикарка. Нельзя же весь день держать ее взаперти. Кроме того, сейчас из леса не доносится музыка, а отец работает на ферме Бреннанов. Он ни о чем не узнает. Да и я ни на секунду не свожу с сестры глаз.

Сомневаюсь, что папина стена оградит нас от деревьев, если они по-настоящему захотят пробраться внутрь.

Авела бегает кругами, пища от радости, пока у нее не закружится голова. Она падает на землю и с макушки до пят пачкается в грязи. Еще она умудрилась как-то порвать платье. Ее веснушчатая кожа загорела на солнце, темные кудряшки — которые мы оба унаследовали от отца — растрепаны. Она неусидчивая, так что мне никогда не удастся основательно расчесать ей волосы; в данный момент в них запутались травинки и палки. У нее карие глаза, как у отца, мамина широкая улыбка и больше озорства, чем может уместиться в таком маленьком человечке. Она выжимает из меня все соки, но я люблю ее до беспамятства.

— Авела! — зову я, когда она подбегает к стене и тянет маленькую ручку к низкой ветке.

Меня пронзает паника, и я вскакиваю с травы. В мгновение ока подлетаю к сестре, хватаю ее за запястье и тяну обратно под открытое небо, в безопасность.

Она визжит и вырывается, но я снова ловлю ее и кружу до тех пор, пока она со смехом не забывает о желании вернуться к стене и этой дьявольской ветке. Я не осмеливаюсь взять топор из сарая и срубить ее. Даже отцу не хватило бы духу. Я стараюсь

забыть о своем дурном предчувствии, не слышать слабый намек на песню из лесной чащи.

— Пора мыться, малышка, — говорю я сестре.

— Нет! — вскрикивает Авела.

Но все равно покорно следует за мной, когда я отношу тазик к насосу перед домом. Наполнив его до краев, ставлю тазик у огорода — вода, которую Авела непременно выплеснет, пойдет только на пользу цветам и овощной рассаде.

Я снимаю с нее грязное платье и, посадив сестру в тазик, яростно намывливаю. Она кричит, смеется и брызгается, полностью наслаждаясь процессом. Отмыв ее, я оставляю Авелу плескаться в воде, а сам время от времени смотрю то на лес за огородом и папиной стеной, то на дом, в котором прожил всю свою сознательную жизнь.

Это небольшая каменная хижина, совершенно обычная, не считая башни, которая служит отцу обсерваторией. Серебряный купол закрыт до вечера, внутри надежно спрятан телескоп. В яркосиних оконных ящиках вянут цветы — когда за ними ухаживала мама, такого никогда не случилось. Я пытался сохранить все, что с ней связано, и не отдавать память о ней Гвиденскому лесу.

Все считают нас глупцами из-за того, что мы живем на самой границе леса. Может, и не беспочвенно.

Но это единственное место вдали от деревни, где отец может наблюдать за звездами в уединении. Мало кто знает, что он астроном. И никто не знает, что он составляет звездные карты для самого короля Элиниона — за настоящие королевские монеты. Днем отец трудится на ферме Бреннанов, чтобы люди не задавали вопросов, откуда он берет деньги, и соблюсти условие короля о секретности.

Бреннан наш ближайший сосед, его дом находится в трех милях на северо-восток. Деревня еще в пяти милях на север, и даже это считается опасно близким к лесу.

Ветер усиливается, навевая холод. Над солнцем сгущаются тучи, и в воздухе внезапно пахнет дождем. Музыка становится громче, теперь ее слышно даже сквозь завывания ветра. Она манит меня. Передернувшись, я сжимаю челюсти и не поддаюсь ей.

— Пора в дом, малышка, — говорю я Авеле. Затем выливаю кувшин чистой воды ей на голову, и она вопит как резаная. Я щекочу ее под подбородком и, подняв из тазика, укутываю в большое полотенце и несу в дом.

Музыка преследует нас, впиваясь в кожу невидимыми шипами. Эта же музыка заманила мою мать в лес, где она осталась навеки. Слышал ли кто-нибудь ее крики, когда восемь чудовищных дочерей Гвиден напали на нее и растерзали на кусочки? Осталось ли от нее хоть что-нибудь или она просто обратилась в пыль, раскиданную по лесной подстилке среди заплесневелых листьев?

По-прежнему держа Авелу, я быстро поднимаюсь по двум ступенькам к входной двери и тянусь к ручке.

— Калон Меррик дома?

Я подпрыгиваю от зычного голоса и, обернувшись, вижу, несомненно, одного из людей короля. Его длинное кобальтовое пальто застегнуто на позолоченные пуговицы, изящная синяя кепка тоже оторочена золотом, на плече висит большая прорезиненная сумка. С виду ему где-то между возрастом моего отца и моими семнадцатью годами. У него

темная смуглая кожа, намекающая на сайтское происхождение.

— Я Оуэн Меррик. Отца сейчас нет дома. Вы пришли за звездными картами?

Мужчина с нескрываемой неприязнью переводит взгляд с меня на Авелу и показывает на уши. До меня доходит, что он заткнул их воском, чтобы защититься от песни древесных сирен. Он не слышит меня.

Я открываю дверь и жестом приглашаю его в дом. Мужчина проходит внутрь, но достает воск только после того, как я крепко-накрепко запираю дверь. Его встревоженный взгляд то и дело обращается к лесу за кухонным окном.

— Я пришел за картами.

— Я принесу их, только подождите минутку.

Я ставлю чайник на плиту, а затем нахожу Авеле тканевый подгузник и чистую сорочку. Та с криками носится по дому. Мужчина хмурится и вжимается в стену у камина, будто хочет отстраниться от нее как можно дальше.

Я незаметно окидываю его недовольным взглядом. Что он себе возомнил, что появился из утробы матери сразу взрослым и унылым, как сейчас?

Оставив ему чашку чая на столе, я уношу Авелу с собой в обсерваторию, чтобы забрать звездные карты этого месяца. Как правило, ее сюда не пускают, но я ни за какие коврижки не оставляю ее внизу с этим олухом.

— Ничего не трогай, малышка, — даю ей тщетное указание, опуская посреди обсерватории. Авела с пару секунд все разглядывает круглыми, замороженными глазами и тут же начинает наматывать круги и громко визжать от радости.